

Светлана Велесова

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВАСИЛИСЫ,
ИЛИ КАК ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА ЗА СЧАСТЬЕМ ХОДИЛА
УЧЕНЬЕ — СВЕТ. ТОЛЬКО ОБЪЯСНИТЕ ЭТО ТЕМНЫМ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Светлана Велесова

Ученье — свет.
Только объясните это темным

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В27

Серия основана в 2011 году
Выпуск 53

Художник
Е. Никольская

Велесова С.
В27 Ученье — свет. Только объясните это темным: Роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 441 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1447-5

Вероника, Ника, Никулечка... Светлая ведьма в современном мире. Мечтая о взрослой жизни, приехала поступать в университет. Новые друзья, новые наставники и первая любовь. Но все в одночасье переменялось, когда в ночных клубах стали пропадать подростки, а твоим друзьям грозит та же участь. Затеянное ребятами расследование привлекает внимание спецслужб и вызывает ярость темного колдуна, в чьи дела они неосторожно влезли. Хватит ли у Ники сил защитить друзей — новообращенных оборотней? Или стоит забыть о законах колдовского мира и попросить помощи у людей, которые открыли ей доступ к новым знаниям, перевернувшем не только все ее устои, но и саму жизнь?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1447-5

© Светлана Велесова, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГЛАВА 1

Лето в этом году выдалось засушливое, дождей не было уже месяц. Зеленая трава пожухла, и ее давно покосили на сено. Некогда синее небо выцвело, став пыльно-серым. И ни одного облачка который день. Только палящие лучи и жара — в тени градусов сорок. А на солнце и того больше. Зато пшеницы уродилось на удивление много.

Разделенные лесопосадками квадраты полей уходили за горизонт, словно золотое море. Скоро начнется страда. Комбайны будут гудеть и днем и ночью, пока весь урожай не будет собран. Тогда и дождик можно позвать. А до тех пор никак. Иначе колхоз останется без денег.

Вероника — Никулечка, как иногда ласково называла ее бабушка, — легко крутила педали велосипеда, крепко держась за руль и ловко объезжая ухабы на разбитой грузовиками проселочной дороге. Скрипело несмазанное колесо, а разболтавшееся крыло гремело, стоило налететь на камень или кочку.

Навстречу с ревом, поднимая тучи пыли, неся грузовик. Ника свернула на обочину, остановилась и приставила руку к глазам, чтобы рассмотреть водителя.

— Привет, дядя Витя! — закричала она и помахала мужчине.

Машина резко затормозила, и из кабины выглянул дядька в кепке и в клетчатой рубашке с закатанными до локтя рукавами. На его обветренном загорелом лице появилась широкая улыбка.

— Привет, Никуська. Опять в район?

— Ага. — Ника улыбнулась. — А вы откуда?

— Точно. — Мужчина утер рукавом пыль с потного

лица. — Что вчера не сказала? Я бы тебя свозил туда и обратно, а так по самой жаре пилить придется.

— Ничего, я привычная.

— Тогда бывай. — Водитель махнул рукой и надавил на газ. — Передавай привет бабе Наде.

— Обязательно передам. — Она еще раз улыбнулась и помахала на прощанье отъезжающему грузовику.

Выждав, пока осядет пыль, Ника выкатила велосипед на дорогу, ловко оттолкнулась от земли и поехала дальше.

Чтобы не ощущать жары, шепнула слово. Воздух вокруг стал заметно прохладнее. Простенькое погодное заклинание, правда, обновлять его надо снова и снова. Зато колдун из соседней деревни не узнает, что она опять балуется с силой, и не устроит бабушке разнос за то, что та не может держать в узде молоденькую ведьму.

— Выдаст нас всех твоя Ника. Житья от военных потом не будет. Прознают о нашей силе, почитай, конец свободе, — возмутился дед Иван, когда Ника на спор с соседскими мальчишками наловила на реке больше всех рыбы. Пацанам было невдомек, что караси и красноперки, зачарованные колдовством, сами набрасывались на крючок, отсюда и невиданный улов. А вот колдун почувствовал. Ох и досталось им с бабушкой тогда!

Надежда Васильевна выслушала, пообещала принять меры. Даже хворостину выломала, а когда закрыла за дедом калитку и вернулась в дом, вместо обещанной порки посадила Нику за книжки.

Да не за простые школьные, а за тайные, колдовские, передаваемые из поколения в поколение — ведь в их роду постоянно рождались ведьмаки и ведьмы. А поломанную веточку воткнула в палисадник и велела девочке прорастить ее. Следующей весной на веточке распустились пышные цветы сирени. Нике тогда было восемь. С тех пор Иван Кондратьевич ни разу не поймал ее на нарушении негласных правил, принятых среди тех, кто наделен силой. Колдун, конечно, подозревал, что его дурачат, но признавал, что бабушка хорошо обучила молодую ведьму.

В район Ника приехала в двенадцать часов. Приковала велосипед к тоненькой березке и проскочила на почту впереди женщины, которая хотела было закрыть контору на перерыв.

— Я быстро. Мне только узнать, нет ли писем, — извинилась Ника, устремляясь к заветному окошку.

— Девушка, мы уже закрыты! — возмутилась женщина. Но сильно шуметь не стала. Заперла дверь, чтобы больше никто не прорвался, и пошла в подсобку. Ника видела, как она ставит чайник и разворачивает принесенные из дома пирожки.

На почте было прохладно, сумрачно и тихо. Пахло газетами, нагретым сургучом и мылом, которым торговали здесь с недавних пор.

— Здравствуйте, тетя Варя. — Девушка повисла на стойке, глядя щенячьими глазами на почтальоншу.

— Ника, опять ты в самый перерыв приехала.

— Я ненарочно, — к умоляющему взгляду добавилась виноватая улыбка. Конечно, она сделала это нарочно, чтобы лишний час не болтаться без толку в районе.

Бабушка просила ее поработать с деревьями, в последнее время сад одолела тля. И зря терять время ей вовсе не хотелось. — Для меня почта есть?

— Нет. — Женщина виновато развела руками. — Почему Надежда Васильевна не напишет заявление о доставке почты на дом? Зачем ездить сюда за столько километров?

— Для тренировки, — соврала Ника не моргнув глазом. — Хочу поступать в физкультурный вуз.

— Ты же на одни пятерки училась, — удивилась Варвара Никитична. — Могла выбрать профессию получше. Вон у нас в колхозе скольких специалистов не хватает.

— Тетя Варя, — рассмеялась Ника, — какой из меня специалист? Бабушка говорит, несерьезная я, а прыти много. Да и на бюджетное отделение в физкультурный обязательно поступлю. Там на три свободных места один поступающий. А для учебы в другом вузе знаете сколько деньжищ надо? Во сколько!

И она развела руки в стороны, изображая огромную охапку денег. Тетка покивала, соглашаясь, что не каждому сейчас по карману учиться в университетах. Ника поддакнула, какая, мол, жизнь тяжелая, и, распрощавшись, вышла на улицу.

Итак, почты нет. Сама девушка давно привыкла, что от мамы с папой письма не приходят месяцами. Родители у нее

геологи. Ищут новые месторождения нефти и прочих ископаемых. А вот бабушка опять расстроится.

Порывшись в карманах шорт, нашла пятнадцать рублей мелочью и решила купить баранок к чаю, но потом вспомнила, что бабушка обещала испечь пирожки, и, так и не придумав, на что потратить эти невеликие деньги, поехала домой.

Опять замелькали поля и лесопосадки. Все так же гремело крыло. Пару раз ее обгоняли грузовики, обдавая дорожной пылью. Вскоре заблестела извилистая речка, и Ника, не задумываясь, свернула к воде умыться и отдохнуть. Она всегда здесь останавливалась. Место тихое. От дороги далеко. Если вздумает искупнуться, никто не увидит — высокий пригорок скрывает этот участок реки от чужих глаз.

Спрыгнув с велосипеда, Ника повела его по траве, держа за руль. Не сразу заметила следы шин, а когда увидела два черных джипа, остановившихся у самой воды, тихонько уложила своего железного коня в высокую траву и шмыгнула в кусты, пока ее не заметила компания молодых людей.

Расположившись на берегу с водкой и закусками, пятеро парней и две девушки выпивали и громко смеялись над откровенно пошлыми анекдотами. Купались, жарили шашлыки и опять подсаживались к импровизированному столу, чтобы выпить. Один из парней, с виду самый накачанный из всех, притянул хихикающую девушку к себе и полез целоваться.

Понятно. Городские решили отдохнуть. Попятившись, Ника уткнулась пяткой в руль, чуть не задев звонок. Возблагодарив богов-покровителей, что по дурости себя не выдала, осторожно подняла велосипед с земли и уже собралась тихонько вернуться на дорогу, как услышала испуганный вскрик девушки:

— Витя, не надо!

— Да ладно тебе. Неужели не знала, зачем мы сюда едем? — Судя по голосу, говоривший был совершенно пьян. Испуганно вскрикнула другая девчонка. Парни загоготали. — Ребята, держите мою цыпу. А Ленку заприте в джипе. Сначала натешимся с одной, потом за другую примемся. Я же говорил, будет клево.

— Нет! Не надо, прошу вас. — До девушки дошло, что сей-

час произойдет, и она начала реветь. — Витя! Не надо! Я не хочу!

Вторая завизжала, когда двое парней подхватили ее под руки и поволокли к машине. Оставшиеся трое смахнули с покрывала стаканы и одноразовые тарелки и, повалив девушку на землю, стали срывать с нее купальник.

Нике стало дурно. О таких зверствах она знала только из новостей. Знала и то, что парни на крутых машинах останутся безнаказанными. Девчонки из страха перед их богатыми родителями не посмеют заявить в полицию.

Решение пришло само собой. Будь она обычной девушкой, не зазорно струсить и помчаться за помощью. Но она не обычная девушка. И раз оказалась в этом месте именно сейчас, значит, должна помочь. Иначе что она за ведьма?

Тихонько положив велосипед обратно на траву, Ника через кусты подобралась ближе. Сосредоточиться получалось с трудом. Девушка кричала, пытаясь отбиться от накачанных бугаев. Вторая билась в стекла, запертая в машине. Парни, выкрикивая пошлости, подбадривали Витьку. Похоже, он у них главный «массовик-затейник», значит, и получит самым первым. Ника сплела заклинание. Сила дрожала на кончиках пальцев, готовая в любой миг сорваться и ударить по цели. Но ведьма медлила. Она впервые обращалась к столь могущественному колдовству. От задуманного бешено колотилось сердце, едва не выпрыгивая из груди. Но еще страшней было представить, что с ней самой сделают парни, если не получится. Понимая, что дальше медлить некуда, Ника зажмурилась, плавно и нежно отпустила колдовство на волю.

Сначала ничего не произошло. Девушка тихо всхлипывала и уже не пыталась вырваться из рук четырех удерживающих ее парней. Витька стоял на коленях, похваляясь своей силой, как вдруг все вокруг замерло.

Деревья перестали шуметь. Вспорхнувшая птица зависла прямо в воздухе. В реке остановилось течение. Парни статуями застыли над девушкой, больше смахивая на уродливых горгулий, чем на людей. И тишина вокруг. От страха мороз пробежал по коже. Ника выглянула из кустов, чтобы посмотреть, что же она наделала.

— Кажется, я остановила время, — в другой ситуации ее

постигло бы великое потрясение из-за собственной глупости, но сейчас ей было не до этого.

От страха заскулила девушка, та, что не Ленка. Ленка приехала в машине. Ника очнулась.

— Спасай подругу! Бегите, дуры! Скоро эти оклемаются, — закричала она, хватая велосипед. Если ехать через поля, до села не так далеко. Километров шесть. Будь у парней обычные машины, только бы они ее и видели. Но от внедорожников на велосипеде далеко не уедешь. Враз догонят. И Ника, вопреки здравому смыслу, скатилась с пригорка к реке.

Ленка уже выбралась из машины. Ее подруга успела накинуть на себя платье, и теперь они, дрожа от страха, озирались по сторонам, не зная, в какую сторону бежать. До города еще дальше, чем до ближайшего села.

— Водить умеете?

Похоже, все придется делать самой. Ника бросилась к первому джипу. Залезла на водительское сиденье и открыла капот. Выскочила и, зачерпнув ведром из-под шашлыка воды в речке, вылила на двигатель. Потом еще раз. Она понятия не имела, подействует ли это на внедорожник, говорят, у них есть какая-то защита от заливания водой, но ничего другого навскидку в голову не приходило. Ника разбиралась только в тракторах и машинах отечественного производства, которые от такого варварства однозначно заглохнут дня на два.

— Ты кто? — Девушки, все еще пребывая в шоке, наконец обратили на нее внимание.

Ника посмеялась бы — вопрос глупее некуда, — но сейчас было не до смеха, надо уносить ноги. Она засунула свой велосипед на заднее сиденье другого джипа и, запрыгнув на место водителя, открыла дверцу с пассажирской стороны.

— Электричка до города уходит через пятнадцать минут. Эти очнутся раньше. Если хотите еще пожить, мигом в машину. — Видя, что две клуши, прижавшись друг к дружке, даже и не думают двигаться с места, ведьма со злости чуть не стала биться головой о руль. Угораздило же ее наткнуться на таких дур. — Считаю до трех и уеду одна. Раз.

Ника завела мотор и подпрыгнула от испуга, когда двигатель взревел на всю мощь. Звук отрезвил и подружек, и они, опережая друг друга, кинулись в машину.

Ника схватилась за руль, вжала в пол педаль газа и направила джип через речку в поле и через него напрямик к железнодорожной станции. Девчонки, вдвоем съездившись на соседнем кресле, повизгивали, когда внедорожник подпрыгивал на ухабах. С перепугу Ника перепутала педали тормоза и газа, и машина встала посреди поля, словно вкопанная. Девушек чуть не размазало по лобовому стеклу. Одна без чувств сползла под ноги. Лена, на долю которой выпало немного меньше переживаний, трясущимися руками от греха подальше пристегнулась ремнем безопасности и огромными от страха глазами глянула на Нику.

— Прости. — Нащупав нужную педаль, ведьма опять газанула, и джип сорвало с места.

Их трясло, кидало во все стороны. Ника мысленно просила прощения у помятой пшеницы, обещая завтра поднять, чтобы скрыть следы от председателя колхоза. И то и дело в страхе оглядывалась назад, ожидая увидеть погоню.

Вскоре они выскочили с полей на дорогу, тянущуюся вдоль железнодорожного полотна.

— На станцию не поедем, бросим машину в подлеске. Деньги на билет есть?

Лена закивала головой:

— Да, есть.

Отстегнув ремень, она перегнулась на заднее сиденье, пошарила там и перетасила вперед две дамские сумочки. Порывшись в одной, показала кошелек.

— Убери. А носовые платки есть?

— Нет. Только влажные салфетки.

— Сойдет. — Нику наконец-то перестало колотить, чему немало способствовало отсутствие погони и близость уже видневшейся станции. Только теперь до девушки начали доходить масштабы неприятностей, в которые она вляпалась. Если ее заклинание оказалось неполным, то парни видели ее и могли запомнить. Она не хотела их всех заморозить. Только одного. Вернее одну-единственную часть тела, чтобы Витка списал свою немощ на водку и ничего не заподозрил. Теперь же оставалось уповать лишь на то, что заклинание вышло мощным и вместе с телом заморозились и все чувства. Надежды мало, но все же...

— Зачем тебе салфетки?

— Стереть отпечатки. Или хочешь сесть за угон машины? Думаешь, ваши дружки все забудут и оставят вас в покое? — Ника выразительно посмотрела на Лену и опять сосредоточилась на дороге.

Девушка всхлипнула и заревела.

— Хватит уже! Лучше приведи подругу в чувство, — прервала Ника бесполезную истерику. Ей и самой было тошно, больше всего хотелось сейчас оказаться рядом с бабушкой. Но кто-то должен помочь этим глупышкам. Сами они в таком состоянии не смогут даже билеты купить.

Лена, получив указания к действию, как ни странно, успокоилась, хотя слезы еще продолжали литься. Похлопала по щекам подругу, а когда та очнулась, помогла сесть рядом с собой. Девушка была совсем плоха. Взгляд остекленевший и совершенно бессмысленный. Если бы парни успели над ней надругаться, верная кандидатка в утопленницы.

Ника стиснула зубы от накатившей злости — нельзя ведь, в самом деле, быть такой хлипкой — и тут же одернула себя. Кто она такая, чтобы их судить? Девчонки выросли в обычной городской среде. Их не готовили с самого рождения быть ведьмой, то есть всегда быть готовой отразить любой удар или принять верное решение, если попадешь в неприятности, как сейчас.

Не доехав до станции, Ника свернула в лесополосу и при этом чуть не врезалась в дерево. Хорошие у джипа тормоза. Заглушила мотор и мгновение сидела, уставившись в пространство. Могло показаться, что она приходит в себя от сильнейшего потрясения. На самом деле она прислушивалась, нет ли поблизости какой опасности.

— Всё тихо. Выходим.

Лена первая выпрыгнула наружу. Помогла выбраться подруге, оставив ее стоять, словно куклу, а сама взялась вместе с Никой стирать отпечатки пальцев в салоне.

— На электричку не опоздаем? — Голос у девушки был тихим, но твердым. Истерика прошла.

Ника глянула на небо — по солнцу она ориентировалась лучше, чем по часам.

— Успеем. Ты бы сама оделась.

Лена только сейчас сообразила, что до сих пор в купальнике. Кинулась к своей сумке и надела легкий сарафан.

Вдвоем они трижды вытерли всю машину, на мойке им бы точно премию выдали за качество и скорость. Ника взяла велосипед, Лена подхватила под руку подругу, повесив на плечо сумки, и втроем они чуть ли не бегом поспешили к станции. Можно было и бегом, но вторая девушка спотыкалась на каждом шагу.

Послышался гудок приближающейся электрички.

— Держи ее, — не выдержала Ника, и когда Лена придержала подругу за плечи, сложила пальцы крестиком, шепнула слово и тронула девушку посередине лба. — Бегом до железнодорожной станции. Остановишься на перроне.

К полному изумлению Лены, подруга подчинилась и не хуже спортсмена-бегуна устремилась по дороге.

— Чего стоишь? — Ника рванула первой, на бегу запрыгнув на велосипед. — Давай на багажник, только не завали нас, — предложила она Лене, видя, что та безнадежно отстает.

Велосипед вильнул под двойной тяжестью, когда девушка неуклюже села на багажник. Ерунда, с подружками и по трое ездили. Тем более подгоняла гудящая электричка. Уже слышался стук колес. Ника оглянулась и обмерла от страха.

На дороге показался второй джип, на бешеной скорости догоняющий поезд. Наверное, ведьма раньше никогда так быстро не ездила. Лена поджала ноги, что есть силы обхватив ее за талию и что-то шепча себе под нос.

Выскочив на перрон и едва не сбив с ног ожидающих электричку сельчан, Ника бросила велосипед на асфальт и толкнула застывшую Лену к кассам.

— Купи три билета и багажный для велика.

— А Наташка?

Ее подруга в это время, не осознавая, что надо остановиться посреди перрона, чесала к его дальнему краю.

— Я ее поймаю.

— Девушки! В чем дело?

— Чего толкаетесь!

— Хулиганки! — возмущались пассажиры.

Ника извинялась, протискиваясь сквозь них. Опять не рассчитала с заклинанием. Забыла указать, на перроне какой именно станции Наташе нужно остановиться. Кляня себя последними словами, догнала девушку уже у гравийной на-

сыпи и, сняв с нее подчиняющее заклятие, схватила под локоть и поволокла обратно.

Подъехала электричка. Диспетчер объявила трехминутную остановку и разрешила посадку. Народ, похватав баулы, ломанулся в двери трех вагонов. Ника подтолкнула Наташу к Лене и, схватив велосипед, подперла девчонок под спины, чтобы быстрее лезли.

— Давайте уже!

— Да прекратите вы хулиганить! — возмутился дядька, которого Лена пихала обеими руками в спину.

— Девушки, вы куда с велосипедом? — возмутилась кондуктор.

— У нас багажный. — Лена, которой удалось втиснуться вместе с подругой в тамбур, плотно заставленный сумками, протянула руку Нике.

Ника опешила — не ожидала она помощи от девушки, — но отказываться не стала. Еле затащила велосипед, который для этого пришлось поставить на заднее колесо. И пока Лена предъявляла кондуктору их билеты, выглянула на перрон. Джип был близко, но недостаточно, чтобы успеть до отхода электрички. Неужели пронесет?

На весь вокзал объявили отправление. Просигналил электровоз. Дернулись вагоны.

— Все в порядке. — Кондукторша наконец оставила их в покое и пошла в вагон проверять билеты других пассажиров.

Ника видела, как джип резко затормозил и развернулся, чтобы объехать вокзал и отправиться в погоню за поездом. Отлично.

Метнувшись к противоположной двери, еле отперла ее и кивнула Лене:

— Толкай подругу и прыгай следом.

— З... за... зачем? — Бедная девушка начала заикаться.

— Затем, что ваши дружки едут вровень с нами и будут на следующей станции раньше нас. Хочешь с ними пообщаться?

— Н... нет!

— Тогда прыгай, пока электричка не набрала скорость.

Подавая пример, выкинула из поезда велосипед и прыгнула первой, успев сгруппироваться. Прокатилась кубарем

по гравийной насыпи и осталась лежать в траве, раскинув руки и глядя на чистое безоблачное небо.

— Съездила, называется, на почту...

Проводив девушек до автостанции и посадив их на автобус, Ника покатила покореженный велосипед домой. После падения с поезда заднее колесо виляло восьмеркой, крыло окончательно отлетело, а руль перекосило так, что большую часть пути пришлось волоком тащить железного коня за собой, иначе он норовил все время уехать куда-нибудь в кусты.

Такими темпами домой она вернулась уже под вечер. В том, что бабушка в курсе ее выходки, Ника не сомневалась. Но вот что на это скажет дед Иван? Пока шла домой, успела передумать кучу вариантов. Даже радость от того, как ловко обвела вокруг пальца городских парней, немного поутихла, сменившись беспокойством. В любом случае выходило плохо. Заклинание такой силы не почувствует только пень. Даже люди, далекие от колдовства, могут ощутить внезапную слабость или головокружение. Не поймут, конечно, из-за чего, просто спишут все на жару. Но это не значит, что не поймут другие.

Дойдя до своей улицы, сбавила шаг. И вовсе не усталость тому была причиной, а самый настоящий страх. Все-таки она нарушила главное правило: не отличаться от людей. И если парни ее запомнили, то объяснение с Иваном Кондратьевичем — это только начало неприятностей.

Бабушка ждала у калитки. За деревянным забором, выкрашенным белой краской, виднелся утопающий в цветах и зелени одноэтажный дом — саманная хата, побеленная известкой и крытая старым шифером, который местами почернел от времени и порос мхом. Окна с резными ставнями. Такая же резная отделка на крыльце, где под козырьком свили гнездо ласточки. Птенцы уже летали, и над двором с утра до ночи слышалось их неугомонное щебетание.

Увидев внучку, Надежда Васильевна с заметным облегчением вздохнула, обняла ее за плечи и завела во двор. Пес Барбос от радости соизволил встать из-под раскидистого ореха и вильнуть хвостом. Ника машинально послала ему волну симпатии и обещание позже почесать за ухом. Пес тявкнул и опять растянулся на земле.

- Бабушка... — начала она извиняться, но та ее перебила:
— Ты все сделала правильно, — и потрепала ее по голове.
Ника вывернулась. Она уже не маленькая.
— Дед Иван знает?
— Пойдем в дом.

Ох не понравились ей слова бабушки. Оставив велосипед у сарая, Ника поднялась на крыльцо. На светлой застекленной веранде в кресле из ивовых прутьев сидел Иван Кондратьевич. Чайный столик накрыт на двоих. На нем — давно остывший самовар, чашки с недопитым чаем, вазочки с медом и вареньем и блюдо ароматных пирожков. Рядом с креслом — дорожный чемодан. Руки колдун сложил на рукояти черной трости. И одет странно, в белый льняной костюм. На краешке стола — шляпа. Ника никогда раньше не видела его таким. Обычно он выглядел как простой деревенский житель, а тут — настоящий городской интеллигент.

— Явилась, кулема?

— Иван Кондратьевич... — начала она оправдываться и замолчала. Дед Иван хоть и был стар, но взгляд имел тяжелый, столько в нем было внутренней потаенной силы. Вот и сейчас она замолкла на полуслове, не зная, что сказать.

— Ника, сядь. — Бабушка опустила в другое кресло и указала ей на табурет.

Только сейчас девушка заметила стоящие в углу сумки и обратила внимание на странную тишину в доме. Не работало радио, и окна все закрыты, отчего на веранде стояла духота.

— Это еще зачем? — Ника кивнула на сумки, села и стянула с блюда пирожок. Бабушка налила ей чаю, положив в него вместо сахара ложку меда.

— Мы уезжаем.

Ника чуть не подавилась.

— Куда? Зачем?

— Я тебе расскажу. — Иван Кондратьевич переставил чемодан поближе к себе и надел шляпу. — Сдала ты всех нас, Ника. Теперь придется уехать раньше срока. Жаль, дом продать не успею, но чего уж теперь, не впервой все начинать с нуля. Надя, ты уже решила, куда пойдешь?

Бабушка глянула не на Ивана Кондратьевича, а на Нику, отчего та забеспокоилась еще сильнее. У нее даже аппетит

пропал, и она положила недоеденный пирожок обратно на тарелку.

— Отправлю Веронику в город, ей все равно надо в университет поступать. А сама уеду на Урал. У меня там двоюродная сестра.

— Я с тобой поеду! — Ника подпрыгнула на табурете.

— Нельзя тебе со мной. — Надежда Васильевна посмотрела на нее одновременно с гордостью и грустью. — Сегодня ты заявила о себе, как самостоятельная ведьма. Отныне наши дороги расходятся.

— Но как же так? — Ника не могла поверить, что все происходящее не сон. И тем не менее странное преобразование Ивана Кондратьевича, бабушкина серьезность и дом, приготовленный к отъезду, — все говорило о том, что они действительно расстанутся. И от этого становилось очень страшно.

— Пойду я, пожалуй. — Иван Кондратьевич встал, надел шляпу, взял чемодан. Другой рукой подцепил трость и, молодея прямо на глазах, направился к дверям. Остановился на пороге, чтобы оглянуться в последний раз.

Ника сидела с открытым ртом, не веря, что за несколько секунд седой старец превратился в молодого парня. «Дед» Иван улыбнулся веселой улыбкой. Зажав в одной руке трость и чемодан, отсалютовал им шляпой:

— Еще свидимся, девчонки, — и исчез.

— Позер, — хмыкнула Надежда Васильевна и, видя внучкино удивление, посоветовала: — Посмотри внутренним зрением.

Ника изменила фокус зрения и смогла разглядеть, как через двор к калитке направляется размытая фигура человека с чемоданом.

— Невидимость?

— Она.

Ника встала и хотела убрать со стола, но бабушка ее остановила:

— Оставь. За пару дней варенье с медом не прокиснут. Как заметят, что дом стоит пустой, кто-нибудь залезет и заберет. А пирожки возьми с собой, в поезде поешь. Нечего на станциях всякую ерунду покупать, да еще втридорога.

Ника застыла, забыв и про мед, и про варенье, и про немые чашки:

— Бабушка, но куда же я поеду? И почему мне нельзя с тобой?

— Поедешь в N, поживешь в квартире родителей. Я тебе в маленькую сумку положила ключи, записку с адресом и деньги, а в большую собрала вещи и все, что может пригодиться на первое время. Поступай в университет, как и планировала. И еще... — Бабушка взяла ее за плечи и взглянула в глаза: — Не вздумай сюда возвращаться. По крайней мере, в ближайшие пять лет.

Увидев, что девушка готова разреваться, Надежда Васильевна порывисто обняла внучку, прижала к себе и погладила по голове:

— Ну же, Никулечка. Расставаться не страшно. Я буду тебе писать. И ты ко мне обязательно приедешь. Только обещаешь, что не раньше чем отучишься хотя бы год. Ты бы все равно через месяц уехала учиться. Зачем так переживать? Подумаешь, расстояние между нами будет чуть больше. — Тут бабушка щелкнула ее по носу и вытерла с ее щек слезы. — Или я все-таки освою этот ваш Интернет, и будем с тобой общаться по этому, как его?

— Скайпу?

Надежда Васильевна кивнула.

Ника сквозь слезы улыбнулась и крепко-крепко обняла бабушку. Во всем мире не было человека родней ее. Она любила маму с папой, но они приезжали редко, на пару дней, чтобы привезти денег, засыпать подарками и опять уехать в очередную экспедицию. А бабушка всегда была рядом с ней. Лечила от простуды, рассказывала на ночь сказки. Гоняла венником соседских пацанов, когда они дразнили ее за тощую фигуру и выпирающие ребра и колени. Отчитала учительницу в школе, когда та вздумала занижать ей оценки за обнаруженную у себя в столе жабу.

— Я тебя люблю, очень-очень.

Надежда Васильевна погладила внучку по голове, окончательно растрепав косу, и произнесла голосом, надломленным от переполнявших чувств:

— Я тоже люблю тебя, Никулечка.

Они постояли так минуту, потом разом отпрянули друг от друга. Надежда Васильевна обошла комнаты, проверяя, все ли взяла из того, что можно унести в руках. Ника не пошла за

ней, боясь, что не совладает с чувствами и заревет, схватила сумки, вынесла их во двор. Барбос зевнул во всю пасть.

— Бабушка!

— Здесь я. — Надежда Васильевна вышла на крыльцо, провернула ключ в замке да так и оставила торчать в дверях.

— А как же он? — Ника указала на лениво взирающего на хозяек пса.

— Возьми с собой. — Женщина неопределенно повела плечом и схватила тяжелый старый чемодан. — Или не бери. Будет только о прошлой жизни напоминать. В селе он не пропадет, кто-нибудь обязательно приютит.

Ника решительно подошла к Барбосу, отстегнула от цепи и, подхватив свои сумки, свистом позвала с собой. Пес вскочил и побежал за ней.

— Я и так сегодня слишком много потеряла. — Она оглянулась на бабушку. — И не хочу терять еще больше. Ты говорила, у родителей просторная квартира.

— Вот и правильно. Будет охранять жилье, пока ты в университете.

Надежда Васильевна вместе с ней вышла за калитку, где их уже поджидало запыленное такси. Водитель открыл багажник и помог погрузить сумки.

— Куда едем, дамы? — Мужчина распахнул перед Надеждой Васильевной дверь.

— В район. — Бабушка кокетливо улыбнулась, пропустила вперед себя пса, тут же развалившегося на половине заднего сиденья, и устроилась сама. Таксист смущенно кашлянул в кулак, прежде чем захлопнуть дверь и сесть за руль.

Ника тряхнула головой. Наверное, ей показалось, или бабушка, как и Иван Кондратьевич, немного помолодела? Определенно, сегодня день богат на чудеса. Девушка села впереди, сильно хлопнув дверью.

— Простите, — извинилась она за расшатанные нервы.

— Ничего. — Водитель не обиделся на то, как она обращается с его машиной. — Так куда в районе? — Мужчина покоился в зеркало заднего вида на хорошенькую пассажирку.

— На вокзал.

ГЛАВА 2

Мерный перестук колес. Покачивание вагона, приглушенные голоса уставших от долгого пути пассажиров. И непередаваемая смесь запахов пота, чеснока и технического мазута. Хорошо, что ее секция в плацкартном вагоне далеко от туалета, а кому-то не повезло. Зато сэкономили пару сотен на билетах.

Лежа на верхней полке, Ника смотрела, как за окном проплывают елки и березки. Изредка мелькали обветшалые деревеньки. Полустанки, похожие друг на друга, словно братья-близнецы. Скорый поезд проносился мимо них, делая остановки только в крупных городах. Всего этого она насмотрелась до тошноты. Скорей бы уже добраться.

В стекле, словно в зеркале, отражались ее попутчики. Две тетки заняли нижние полки, заполонив все проходы объемными сумками. На верхней полке устроился муж одной из теток. И когда женщины ложились спать, делал Нике недвусмысленные намеки: мол, какая она хорошенькая и не страшно ли ей путешествовать одной.

Не страшно. Бабушка позаботилась о том, чтобы она рано стала самостоятельной, каждое лето отправляя ее на три месяца во всевозможные санатории и детские спортивные лагеря. Благодаря этому Ника в неполные восемнадцать объездила пол-России, облазила все горы и обошла все степи и леса. Только на Байкале не была и гейзеров Камчатки не видела.

— Вероника, спишь? — окликнула ее тетя Маша, та, что путешествовала одна. Ника для себя прозвала ее купчихой. Полная, веселая. Светлые крашенные волосы испорчены завивкой. Румяное от выпитой водки лицо. Блестящие серые глаза, жизнерадостная улыбка. Замечательная женщина.

— Не-а. — Ника зевнула, потягиваясь.

— Тогда слезай, будем пить чай.

— Сеня. — Тамара Сергеевна постучала снизу по полке мужа. — Ужинать пора.

— Ужинать — это хорошо. — Семен Петрович убрал под подушку подборку «SPEED-инфо», кое-как развернулся на полке и тяжело спрыгнул вниз. — Что тут у нас? — потянул носом, довольно потирая руки.

Прежде чем спуститься, Ника прихватила с третьей, багажной полки пакет со своими продуктами. Обув сандалии, подседа к столу.

— У меня есть рыбные консервы, — предложила она, доставая из пакета банки.

На столе уже исходили паром четыре стакана чая, лежали купленные во время последней остановки жареные цыплята, ломти хлеба, помидоры и огурцы.

— Что за ужин без ста грамм. — Семен Петрович жестом факира извлек из сумки под ногами бутылку водки и четыре стопки и подмигнул Нике: — Будешь?

Жена отвесила ему подзатыльник.

— Не спаивай ребенка, — и уже ей: — Не слушай его. Лучше бери курочку, кушай. А консервы себе оставь. Они тебе во время студенческой жизни еще ой как пригодятся.

Настаивать Ника не стала, но консервы со стола не убрала, зная, что после третьей стопки их обязательно откроют. Так и вышло. Она допивала чай с пряниками, а Семен Петрович уже примеривался с открывалкой к кильке в томатном соусе.

— Спасибо, я поела, — собрав пустые стаканы, Ника встала и отправилась их мыть.

Выстояв у туалета очередь из двух человек, тщательно вымыла посуду, а у выхода столкнулась с Семеном Петровичем, который вышел покурить. Мужчина был уже изрядно пьян и при виде Ники сально улыбнулся:

— Постой, куда же ты спешишь?

— Надо вернуть стаканы проводнице. — Девушка попыталась обойти мужчину, но он с неожиданной силой прижал ее к стене, подталкивая обратно к туалету.

— Подождет твоя проводница. Пойдем, Никочка, я такое покажу.

Ника увернулась от пьяного поцелуя и со всей силы стукнула мужчину ногой туда, куда бить нельзя. Еще бы и носом приложила о колено, да руки стаканами заняты, так что мужику крупно повезло. А то могла со злости и нос сломать.

Мужчина сложился пополам, схватившись за причинное место:

— Дрянь! Ты за это ответишь.

— Я выросла в селе и не с такими кобелями справля-

лась. — Девушка наклонилась к его уху, звякнув стаканами в железных подстаканниках, и тихонечко шепнула: — Угоститесь уже, Семен Петрович, или я вашей жене пожалуюсь.

От волнения бешено колотилось сердце. Развернувшись на пятках, Ника хотела убежать, но вдруг остановилась. Желание сойти на первой же станции неожиданно прошло, сменившись пламенем вдохновения помогать всем окружающим.

— А знаете что? — шагнув обратно к медленно выпрямляющемуся мужчине, она улыбнулась. — Давайте-ка я вас от пьянства закодирую. И в жизни начнет везти, и жену счастливой сделаете.

И не успел Семен Петрович опомниться, как девушка со всей дури заехала ему в лоб стаканами, зажатыми в руке. Мужик и съехал по стеночке на пол. Зато заклинание намертво впечаталось в его шестую чакру. Оценив начавшие сразу же происходить изменения в его ауре, Ника довольно улыбнулась:

— Вот теперь все будет хорошо.

Грязно-серая аура светлела прямо на глазах. Разорванные куски медленно соединялись в целый энергетический кокон, энергия перестала утекать в никуда. И чем больше ее будет, тем меньше будет тяга к пагубным привычкам. Конечно, пройдет не один месяц, прежде чем все слои окончательно очистятся. Главное, чтобы Семен Петрович не сорвался, не запил. И для закрепления эффекта... Ника оглянулась по сторонам. Никому не было до них дела. Вот и хорошо. Меньше свидетелей — больше шансов, что ее не будут отвлекать и все получится. Присев на корточки, девушка поставила стаканы на пол и положила ладони на лоб Семена Петровича. От рук сразу разлилось тепло. Мужчина бессознательно улыбнулся, сполз по стенке еще ниже и вдруг оглушительно захрапел.

От неожиданности она вздрогнула, а потом улыбнулась.

Открылась дверь в тамбур.

— Девушка, что тут у вас? Перегородили всю дорогу.

Ника подняла взгляд. Над ней стоял мужчина, рвущийся в туалет.

— Человеку плохо. Вы не поможете?

— Конечно-конечно. — Мужчина засуетился, кликнул

ближайших пассажиров, и вместе они оттащили Семена Петровича обратно к жене и уложили на полку дальше спать.

— Огромное вам спасибо. — Женщина принялась причитать о том, как надоел ей этот пьяница, и одновременно благодарить мужчин за помощь. Причем ее благодарность выражалась бутылкой водки, всученной спасителям чуть ли не силком.

Ника только покачала головой и пошла отдавать стаканы проводнице. С такой женой долго трезвенником мужчина не проживет.

Зато на этом инцидент с приставаниями был исчерпан, и до конца пути Семен Петрович ни разу не потянулся к рюмке, хотя женщины продолжали пить. Пару раз она ловила на себе испуганные взгляды. Мужчина понимал, что с ним что-то происходит, но не знал, как объяснить жене внезапно пропавшую тягу к алкоголю. Ника делала вид, что она тут ни при чем, и тихо посмеивалась в подушку, когда Тамара Сергеевна, положив пухлую ладонь мужу на лоб, интересовалась, не заболел ли ее Сенечка.

В N прибывали ночью. Проводница включила свет в вагоне и стала будить пассажиров за час до остановки. Сонно зевая, Ника сдала постельное белье, скатала матрац и подняла полку. Сумки она собрала вечером и, словно Незнайка, легла спать одетой.

— Бог мой, Ника, зачем ты тащишь с собой игрушку? — Тамара Сергеевна от удивления на время прекратила трамбовать в пакет последние вещи, когда Ника, пользуясь отсутствием тети Маши, извлекла из-под ее полки огромную плюшевую собаку.

— Это пес Барбос. — Она помахала женщине мягкой лапой. — Барбос, познакомься с Тамарой Сергеевной. — Девушка рассмеялась, увидев до крайности изумленный взгляд женщины, вздохнула и заговорила уже серьезно: — Мне его бабушка подарила. И я, чтобы не скучать по ней, взяла его с собой. Разве он не прелесть?

— Какой-то он... — Тамара Сергеевна не могла подобрать слов, чтобы описать косматое чудо с репьями, застрявшими в шерсти. Видимо, в ее понятии игрушкой мог быть только ро-

зовый слон или какие-нибудь куклы в балльных платьях, а не такие вот... Барбосы. — Ну... Глаза у него добрые.

Ника кивнула и, зажав псину под мышкой и взвалив сумки на плечо, потопала в тамбур, чтобы первой покинуть поезд. За два дня она свыклась с мыслью, что прошлого не вернуть, и ей не терпелось вступить в новую, взрослую жизнь. Вот только, похоже, надо было надеть спортивный костюм и кроссовки, а не маечку, шорты и кеды на тоненький носок. Она совсем упустила из виду, что в другом регионе будут другие ночи: не жаркие, наполненные ароматом мяты, цветов и спеющих абрикосов, а промозглые и холодные. И, кажется, на улице идет дождь. Протерев запотевшее окно, за которым проплывал светящийся редкими огнями огромный город, Ника убедилась, что так и есть. По стеклу стучал дождь. На мокром асфальте отражался свет уличных фонарей, и только изредка проезжающие машины подтверждали, что город не вымер и ждет утра, чтобы погрузиться в суету, так отличающуюся от размеренной жизни затерявшегося на просторах степи села.

Постепенно тамбур наполнился людьми, заставился сумками, коробками. Кто-то даже вез с собой лыжи. Несмотря на протесты женщин, мужчины курили. Одна молодая пара пыталась успокоить хныкающего малыша, не желающего просыпаться и норовящего досмотреть сон на плече у мамы.

— Посторонитесь. — Проводница протиснулась сквозь людей. Перед ней раздвинули чемоданы, и она, открыв дверь и держа в руке флажок, выглянула наружу. Поезд подходил к станции.

Холодный ветер, пробравшийся в тамбур, заставил после тепла неуютно ежиться. Малыш заплакал. Юная мама стала качать его, пытаясь успокоить, пока муж искал среди многочисленных вещей зонт. На вокзале объявили о прибытии их поезда. Народ зашевелился, толкая друг друга сумками. Наконец поезд остановился, и проводница первой спрыгнула на перрон.

Ника еле протиснулась с сумками и Барбосом в узкую дверь и сразу же наступила в лужу. Матерчатые кеды промокли. По голым плечам и рукам потекли ледяные капли дождя, и, вжав голову в плечи, она рванула в здание вокзала. Гулким эхом диспетчер объявляла о прибывающих и отходя-

щих поездах. Народ толпился, суетился, кто-то дремал в зале ожидания. Пахло шаурмой, кофе и жареными пирожками. В круглосуточных ларьках торговали всякой ерундой, которая могла пригодиться в дороге. Ника просто потерялась во всей этой толпе и, выйдя в город, облегченно перевела дух. Хоть и шел дождь, но все не так шумно. Признаться, она слишком устала от людей за эти дни.

Выбрав первое попавшееся такси, назвала водителю адрес и всю дорогу до дома смотрела на проносящиеся мимо дома.

— Впервые в №? — Таксист с добродушной улыбкой поглядывал на нее через зеркало заднего вида.

— Да. — Ника сильнее обняла плюшевого Барбоса, чтобы хоть капельку согреться. Надо будет пересмотреть весь гардероб. Если здесь так холодно летом, то что же будет зимой?

— Поступать?

Она кивнула. Мужчина улыбнулся еще шире:

— Уже знаешь куда? Или куда по баллам возьмут?

— В архитектурный.

— Серьезно. — Таксист одобрительно хмыкнул. — У моего кума пацан перешел на третий курс. Жалуется, что учиться трудно.

Настал ее черед хмыкать:

— Я трудностей не боюсь.

— Оно и видно. Приехать одной в такую даль. Или у тебя здесь родственники?

Ника не ответила. Она спала. Проснулась от толчка, когда машина остановилась во дворе возле высокого дома. Свет фар выхватил из темноты мокрые стволы деревьев, лавочки, кусты и беседку у подъезда.

— Приехали.

— Спасибо, — изо всех сил подавляя зевоту, Ника расплатилась с таксистом, удивившись астрономической сумме. За такие деньги она бы дома всю ночь каталась между районом и селом. Забрала вещи и Барбоса и осталась стоять под дождем, пока таксист, мигнув ей на прощанье фарами, не скрылся в тоннеле, ведущем на оживленную проезжую часть.

Девушка поднялась на две ступеньки к дверям подъезда и столкнулась с первой проблемой. Ключи от квартиры у нее имелись, но пока ее родители были в разъездах, соседи установили домофон. Трезвонить им в пять утра, чтобы пустили

ее домой, Ника не рискнула. Вместо этого оглянулась, нет ли кого. Хотя кому охота ночью гулять по такой погоде? Но все равно, город не село, мало ли кому в такой час не спится. Вокруг лишь шелестел дождь. Положив руку на панель домофона, Ника шепнула слово, отпирающее замок, и вздрогнула от испуга, когда в ночной тиши громко запиликало, возвещающая, что дверь открыта.

Пришлось протискиваться с сумками во все время норовящую закрыться дверь. И кто придумал такую систему? Нельзя было сделать что-нибудь попроще... Вздохнув, Ника попыталась расслабиться. Это все усталость и недосып. Утром все будет видеться совершенно по-другому.

В подъезде горел тусклый свет. Полуразрушенная от старости лестница вела наверх. Ника сверилась с адресом на бумажке. Квартира номер шесть. Если их по четыре на площадке, значит, ей на второй этаж. Дойдя до высокой двустворчатой деревянной двери со старой облупившейся зеленой краской, сгрузила вещи на пол и минуту стояла с ключом в руках. Она не знала, что у мамы с папой есть квартира в городе. И понятия не имела, что ее там ждет. Вставив ключ в замок, осторожно провернула. Еще осторожней открыла дверь, взяла вещи, вошла в длинный коридор и захлопнула дверь ногой. Щелкнул автоматический замок, и Ника осталась стоять в крошечной тьме.

Постепенно глаза привыкли, вычертив в темноте распахнутые межкомнатные двери. Похоже, дом находится в самом центре. От него веяло стариной, затхлостью, пылью и древней силой. Никто другой не почувствовал бы этого, но Ника безошибочно определила, что когда-то очень давно, еще до того, как квартиру купили ее родители, здесь проживала могущественная колдунья. Она ощущала ее силу, наполняющую пол, стены и даже потолок и образующую своего рода защитный кокон, тогда как присутствие мамы с папой воспринималось как едва заметная нить. Они были здесь с посредником всего один раз. Договор купли-продажи подписали в регистрационной палате и больше никогда сюда не приходили.

— Они купили ее для меня. — Осознание столь простого факта потрясло. Ника и предположить не могла ничего по-

добного — бабушка не особо распространялась о делах родителей.

Годами копившаяся пыль забила в нос, и девушка громко чихнула. Наваждение ушло. Почесав нос, Ника оставила сумки у стены и принялась шарить по стенам в поисках выключателей. Нашла один, пощелкала, но свет так и не зажегся. Похоже, нет электричества.

Она уже вполне освоилась в темноте. Полумрака хватало, чтобы обследовать новое жилище. Пятикомнатная квартира, в прошлом коммунальная, но со временем полностью выкупленная и подвергшаяся кое-какому ремонту, располагалась в старинном, судя по высоким потолкам и межкомнатным дверям, дореволюционном доме. Мебели нет. Зато есть допотопная печка, ржавая раковина на кухне и сантехника в туалете. Вода и газ отключены.

Зато из окон открывался потрясающий вид на одну из центральных улиц. Вдоль нее — набережная. Широкая река, несущая свои воды в морской залив. Разводной мост, а на другом берегу — старинная крепость, о которой Ника читала только в книжках.

— Барбос, иди сюда, — кликнула она собаку.

Игрушка, оставленная в коридоре на полу, вздрогнула и ожила. Пес вскочил на лапы, встряхнулся и потрусил к хозяйке, цокая когтями по паркету. Ткнулся лобастой головой ей в руку. Ника присела на корточки, от души тиская собаку:

— Ты мой хороший. Ты моя умница.

Пес от радости вилял хвостом и все норовил лизнуть ее в лицо.

— Фу, Барбос. Пойдем, тебя надо выгулять. Заодно посмотрим, есть ли где поблизости круглосуточный магазин.

Переодевшись в джинсы, куртку и кроссовки, Ника прицепила к ошейнику собаки поводок, заперла дверь и направилась на улицу.

Все так же шел дождь. На улице светлело. Из подъезда напротив вышел мужчина и бегом направился к машине. Мигнула выключенная сигнализация. Хлопнула дверь, завелся мотор. Ника вошла в тоннель под домом и почти вжалась в стену, придерживая рвущегося побегать Барбоса. Не хватало, чтобы их задавили. Черный «мерседес» проехал мимо и тут же растворился во все увеличивающемся потоке автомо-

билей. По тротуару спешили к автобусной остановке редкие прохожие, пряча под зонтиком зевки. Улучив момент, Ника перебежала дорогу. Спустилась с набережной к реке и спустила с поводка Барбоса. Пес от радости трижды промчался по берегу туда-сюда, пока хозяйка дрожала от холода и мокла под дождем, и, сделав свои дела, вернулся.

Магазин обнаружился за три квартала от дома. Ника успела позавидовать собаке и пожалеть, что не последовала ее примеру. Купила две пятилитровые бутылки воды, пачку печенья и пару пакетиков быстрорастворимого кофе с сахаром и сливками и чуть ли не бегом затрусила домой.

В этот раз не пришлось взламывать замок на домофоне. Женщина средних лет, в плаще, держа наготове зонт, как раз выходила из подъезда.

— Подождите. — Ника схватилась за дверную ручку. — Спасибо.

Женщина удивилась. На миг остановилась, видимо, хотела поинтересоваться, кто она такая. Но Ника, проскочив мимо, взбежала по ступеням и скрылась за лестничным пролетом. Потом она обязательно перезнакомится со всеми соседями, а сейчас хотелось только одного: вернуться в пальто и завалиться спать прямо на паркете. А кофе можно выпить и потом.

Утром никакой посуды в доме не обнаружилось. Пришлось запивать печенье холодной водой прямо из бутылки. Эх, сейчас бы кофе и бабушкиных пирожков с капустой... Шмыгнув носом от не к месту накативших воспоминаний, Ника закрыла пробку и уже внимательней присмотрелась к новому месту жительства.

При свете дня квартира не выглядела такой убитой, как показалось ранним утром. Конечно, ремонт требовался, но были вещи поважней обоев и побелки. Итак, с чего начать? Бабушка приучила ее решать проблемы постепенно. Поэтому первым делом девушка внесла вещи из коридора в комнату и провела ревизию того, что у нее имелось. Вывалила из маленькой сумки на пол всю наличность. Достала блокнот, карандаш и все пересчитала.

— М-да-а-а, не густо.

С одной стороны, казалось, что денег очень много, а на са-

мом деле, если не покупать ничего лишнего — имеется в виду, мебель в квартиру, заплатить сразу за шесть лет обучения в университете и разумно тратить, их хватит на пару лет. А дальше что?

— Что-что? Ведьма я или кто? Заработаю.

Открыв сумку с вещами, Ника тоже вытряхнула их на пол. Бабушка положила только то, что влезло, но не все вещи, что у нее были. Кое-что придется докупить. Вот и неподвиженные траты.

Барбос нашел место у окна, приподнял ухо и прислушивался к тому, как хозяйка недовольно бормочет себе под нос. На приглашение пойти гулять встал лапами на подоконник, глянул в окно, по которому до сих пор барабанил дождь, и улегся обратно.

— Ну и ладно. — Ника махнула на него рукой, надела джинсы, футболку, кофту на молнии с капюшоном и, заперев дверь, остановилась на площадке. Конечно, можно обойтись без ключа к замку на подъездной двери. Но однажды кто-нибудь заметит, что его у нее нет, и тогда не избежать ненужных вопросов.

Постучала к одним соседям, потом к другим. Никто не ответил. Только занесла руку, чтобы постучать в восьмую квартиру, как дверь на цепочке приоткрылась и в щелку выглянула старушка.

— Чего шумишь? Если что продавать, то иди отсюда. Нам ничего не надо.

— Я ваша новая соседка из шестой квартиры. — Ника поспешила представиться, пока старушка не захлопнула дверь перед ее носом: — Вероника Селезнева, — увидев, что соседка сняла цепочку и приоткрыла дверь шире, девушка приободрилась. — Не подскажите, где можно взять ключ от домофона?

— Давно тут никто не жил. — Женщина оказалась не такой старой, как показалось вначале. Просто в мешковатом халате и слегка растрепанная. Лицо морщинистое, еще хранящее следы былой красоты. Глаза выцвели, став почти белыми. Тонкие губы, химическая завивка на коротких волосах причудливого фиолетового оттенка. — Как, говоришь, тебя зовут?

Ника была уверена, что старушка прекрасно расслышала ее имя, но решила не вредничать и представилась еще раз.

— Вероника Селезнева. — Она силой подавила внезапное желание добавить: «Ваша светлость». Осознав, что чуть не ляпнула, внимательней присмотрелась к «старушке», а то знала она одну такую «бабушку» и ее друга «дедушку». Неужели та самая колдунья?

— А ты не смотри. Заходи, чаю выпьем. Надька позвонила, сказала, что ты едешь, так я все глаза проглядела. — Старушка улыбнулась: — Заходи-заходи, чего встала? Или думала, тебя оставят без присмотра?

Ника шагнула в коридор чужой квартиры, осматривая старинную мебель красного дерева и обитые китайским шелком стены. Старушка пошаркала на кухню по мозаичному паркету и засуетилась у плиты, ставя начищенный до блеска медный чайник на газ.

Кухня такая же большая, как и у нее в квартире. Старинный, как и вся обстановка, гарнитур, антикварный круглый стол, четыре стула на изогнутых ножках. На столе — белоснежная скатерть. Вазочка с печеньем и конфетами. На окнах — невесомые занавески и отодвинутая на одну сторону подвязанная шнуром с кистью тяжелая портьера.

— Достань из буфета чашки. — Старушка оглянулась, когда Ника не двинулась с места. — Я не представилась?

— Нет.

— Зови меня бабушка Настасья. И посуду достань. Чайник уже вскипел.

Ника больше не верила во всяких «бабушек», но чашки достала. Вместе с блюдцами. Еще заварочный чайник и маленькую вазочку с рафинадом. Посуда была из тончайшего белоснежного фарфора без всяких украшений. Девушка даже представить боялась, сколько все это может стоить. Понимала, что зависть — плохое чувство, но ничего не могла с собой поделать. В доме у бабушки Настасьи было красиво и очень уютно, ей до такого свою квартиру красить и красить. И работать лет двести, чтобы накопить, при нынешних-то зарплатах, на такую посуду и обстановку.

Хозяйка тем временем достала банку с чаем, засыпала в чайник две ложки с горкой и залила кипятком.

— Не стой, садись. Пока заваривается, как раз и погово-

рим. А то знаю я вас, молодых. Ни минуты на месте не сидите, все спешите куда-то.

Ника села. С одной стороны, она не боялась странной соседки. С другой — чувствовала себя под ее взглядом очень неуютно. Бабушка Настасья устроилась напротив, сложив сухие морщинистые руки перед собой.

— Слышала я о том, что ты учудила. Нехорошо. Хотя намерения похвальны.

— Вам бабушка рассказала?

Женщина разлила по чашкам ароматный чай, добавила себе два куска сахара и взялась мешать ложечкой, позвякивая по фарфоровым стенкам. На ее вопрос только улыбнулась:

— Кондрат проболтался.

— Иван Кондратьевич? — Ника уже ничему не удивлялась. Похоже, все магическое сообщество наслышано о ее «подвигах». Чувствуя, что краснеет, девушка схватила чашку и спряталась за ней, дуя на кипяток, чтобы чай остывал быстрее.

Соседка рассмеялась:

— Это для тебя он дед Иван. А на самом деле его Кондратием зовут. Меняет имя туда-сюда, чтобы не путаться.

— Разве можно забыть, как тебя зовут? — стянув из вазочки сушку, Ника сунула ее в чай, чтобы размякла.

— А ты поживи триста лет, навдумывай себе имен, посмотрю, как не запутаешься. Но... не об этом сейчас разговор. Уже надумала, что будешь делать?

— Пойду учиться. Денег на хороший университет хватит. А потом работать.

— Вот и умница. — Женщина встала, опять открыла буфет, ища в нем что-то. Зазвенели переставляемые хрустальные бокалы. Посыпались монеты. — Куда же я его дела? Ах, вот он.

Ника привстала посмотреть. Оказывается, ее соседка хранила запасные ключи в салатнике. Впрочем, так многие делали.

— Вот, возьми. Знала, что однажды явишься, и заказала лишний, — перед Никой на стол лег ключ от домофона. — Куда сегодня планировала пойти?

— Надо подключить свет, газ и воду. Потом купить что-нибудь из посуды. И по хозяйству. Ничего ведь нет.

— Карту города, как обычно это делают приезжие, не покупай, — посоветовала ей соседка. — Тренируй пространственную магию. А я до вечера посмотрю, что из моих книжек дать тебе почитать. Уже можно.

— Но разве мне еще надо учиться? — Ника удивилась. Она-то считала, что, зазубрив пять томов уложений жизни магического сообщества и в совершенстве освоив двенадцать томов заклинаний, знает все, что только можно. И все, что ей остается, — это накапливать опыт и следить, чтобы не выходить за рамки. А оно вон как получается.

Женщина рассмеялась:

— Что ты. То, чему тебя учила Надежда, — только начало. Самое интересное впереди. И, как сказал один философ, нет предела совершенству. — Она встала, и Ника была вынуждена встать следом. — Заходи вечером на чай. Поболтаем. Давно я никого из своих не видела. Вдруг что интересное покажу?

Решив начать с хозяйственных вопросов, Ника столкнулась с серьезной проблемой. У нее было свидетельство о собственности на квартиру, нашла на дне сумки среди прочих документов. Но девушке еще не исполнилось восемнадцати, поэтому коммунальные службы отказывались подписывать с ней договор и, соответственно, подключать свет, газ и воду.

Выйдя из отделения Горгаза, Ника сунула руки в карманы кофты и подняла лицо к небу. Дождь лишь слегка накрапывал. Потоки машин пронеслись мимо, заставляя ее морщиться от выхлопных газов. Люди заполнили тротуары, проходили мимо, не обращая внимания на одиноко стоящую девушку. Витрины кафе и магазинов, щедро разукрашенные рекламой, не манили. Хотелось бабушкиной стряпни. Борща со сметаной или просто жареной картошки на сале с луком.

Поняв, что зверски проголодалась, Ника дала себе установку найти недорогой магазин поблизости от дома. И еще надо накормить и выгулять Барбоса, иначе он все двери погрызет. И посоветоваться с бабушкой Настасьей. Положим, без воды и газа она проживет. Хорошо хоть слив работает, а

чай можно пить холодным или магией подогреть. Вместо электричества есть свечи. Но такая же загвоздка возникнет и при поступлении в университет. Ей исполнится восемнадцать в сентябре, когда занятия уже начнутся. До тех пор договор с ней никто не заключит и денег за обучение не примет.

Прикрыв глаза, она провела первую настройку по сторонам света. Потом вторую, более детальную, привязав к земле места, где успела побывать. В мыслях выстраивалась трехмерная голографическая карта города, где Ника красными точками отмечала нужные ей места. Желтым цветом обозначила бабушку Настасью. Себя она всегда изображала светящейся синей точкой. Оценив пройденное за день расстояние, удивилась. Ничего себе она удалилась от дома. Чтобы до вечера вернуться, придется часть пути проехать на метро.

Очередной толчок в плечо заставил ее очнуться и отойти немного в сторону, чтобы не мешать прохожим. Один недостаток у работы на местности — пока составляешь мысленную карту, на время теряешь связь с реальностью.

Ближайшую станцию метро Ника нашла по подземным пустотам под ногами. Люди не чувствовали вибрации, а она четко ощущала, как внизу движутся поезда. Очень странное чувство, будто еще шаг — и провалишься в пропасть, хотя под ногами твердый асфальт. Чуть приглушив восприятие, девушка уже через пять минут вышла к входу в метро. Купила билет, прошла вместе с толпой через турникет и ступила на эскалатор. По станции подземки гуляло эхо, унося под высокий свод людские голоса. Из тоннелей тянуло холодом, пахло сыростью и мазутом. Слышался грохот подъезжающей электрички. Ника выбрала нужное направление и, двигаясь в толпе, встала в ожидании поезда, а когда он прибыл, чуть не запаниковала, когда ее сдавили со всех сторон и буквально внесли в вагон.

— Осторожно! Двери закрываются!

Лязгнули закрывшиеся двери. Поезд тронулся, и народ стал распределяться по вагону. Встав у окна, Ника рассматривала отражения людей в стекле.

Странные они. Слушают музыку, заткнув в уши наушники от плеера. Читают. Думают о чем-то своем. Какой-то парень вообще спит, сдвинув кепку на глаза. Студент, наверное. И никто ни с кем не разговаривает. Девушке это казалось ди-

ким. В селе, где жителей полтысячи, она всех знала в лицо и половину — по имени-отчеству. Невозможно пройти по улице, не поприветствовав соседей, не пожелав здоровья или доброго дня. А тут многомиллионный город. Огромное количество людей, и при этом каждый чувствует себя одиноким и порой никому не нужным. Как же так?

— Станция «Приморская»! — донесся из динамика женский голос. В окна ударил свет, когда поезд въехал на очередную станцию. Заскрежетали тормоза. Народ зашевелился. Из открывшихся дверей внутрь ворвался шум и гам.

Люди потоком хлынули из вагона. Новые пассажиры спешили занять освободившиеся места. Ника переместилась в уголок, чтобы ее лишний раз не толкали. Ехать еще три остановки, и она решила потратить время на внесение в ментальную матрицу города новых ориентиров. В объемной модели заняли свое место станции метро. Подземные перекрестки соединились темными полосами тоннелей и переходов. Кропотливая работа, требующая хорошей памяти, пространственного воображения и сосредоточенности, чтобы довести плетение карты до абсолютной точности. Поэтому девушка не сразу поняла, что за ней следят. Это все приглушенное восприятие. Не ослабь она его, давно бы почувствовала навязчивый тяжелый взгляд. Незаметно осмотревшись, Ника не увидела никого подозрительного. Но чувство слежки никуда не ушло. Двое. Один — с тяжелой энергией, значит, надо искать мужчину с хорошо развитым физическим телом. Или полный, или качок. Второй — интеллеktуал. Ощущался как невысокого роста парень с грязно-серой энергией зависти и корысти. Что им от нее надо?

Ответ пришел сам собой — квартира. А это значит, что следят за ней давно.

— Вот черт! — Ника дернулась бежать, но усилием воли заставила себя стоять на месте. В поезде и метро от них не скрыться. А вот оказавшись на поверхности... Девушка скрыла улыбку, опустив лицо. Не повезло им повстречаться с ведьмой, для которой отвести глаза и исчезнуть на самом видном месте — пара пустяков.

Мысленно добавила к списку покупок еще несколько пунктов. Придется позаботиться о безопасности своего жилища. Жаль, в городах не живут домовые. Может, стоит съез-

дить в одну из тех полуразрушенных деревень, коих так много в центральной части России? И поискать домового там? Вдруг кто согласится переехать к ней в квартиру?

Бабушка Настасья встречала ее на лестничной площадке:

— Заходи, разговор есть.

— Сейчас, только сумки домой занесу, — тяжело дыша, Ника поставила огромные пакеты с покупками у ног и полезла в рюкзак за ключами.

— Потом занесешь.

Тон ведьмы не предполагал возражений. Ника послушно подхватила пакеты, сгрузила их в коридоре и пошла за соседкой к ней на кухню. Что случилось, спрашивать не стала. Уже догадалась, что ее трюк с отводом глаз не удался. Скорей всего, у ее преследователей уже имелся точный адрес ее квартиры, а следили они, дабы убедиться, что живет девушка в ней одна. Поэтому Ника ничуть не удивилась, когда бабушка Настасья отодвинула занавеску и указала на двух парней, околачивающихся возле дома. Один высокий, спортивного вида, бритоголовый. Второй щуплый. Можно даже сказать, симпатичный. На такого никогда не подумашь, что он замышляет против тебя зло.

— Твои орлы?

— Мои.

Опустившись на стул, Ника в двух словах поведала соседке о злоключениях этого дня в надежде, что она подскажет, как выпутаться из этой ситуации. Но ее ждал сюрприз.

Задернув занавеску, бабушка Настасья улыбнулась ей улыбкой доброго садиста:

— Замечательная идея с домовым. Пробуй. А я пока их придержу.

Вот и вся помощь. Пльиви или тони, Никуля. Кто тут мечтал о самостоятельности? Получи и распишись. Эх, не зря бабушка все время говорила: «Бойся своих желаний. Они могут запросто осуществиться». Вот и получается, что со всеми проблемами придется разбираться самой. Но один вопрос все же стоит обсудить.

— А как же учеба? Если не поступлю сейчас, пропущу целый год.

— Знания — это сила. Тут я обязана тебе помочь, — сни-

зошла до ее проблем колдунья. — Подавай документы в университет и ни о чем не беспокойся. А в качестве домашнего задания подумай, в каком виде должна выразаться моя помощь. Вдруг твоя идея будет в сто раз лучше моей.

ГЛАВА 3

После разговора с колдуньей черные риэлторы оставили девушку в покое. Понимая, что это ненадолго, Ника наложила на окна, двери, канализационные, водопроводные и газовые трубы сигнализацию, а поверх нее — многослойную защиту от воров, пожара, потопа и отравления бытовым и химическим газом. Два дня провозилась с вентиляционными шахтами — их выходы обнаружили в самых неожиданных местах, даже за батареей в предполагаемой гостиной. Выложились до предела, но дело того стоило. По степени защищенности ее квартира теперь могла поспорить с бомбоубежищем.

А потом Ника навела справки о ценах на пятикомнатные квартиры в старом жилищном фонде и поняла, что ее жизнь не стоит и ломаного гроша и надо срочно искать домового. Но она все никак не могла выкроить время проехать по деревням в поисках сговорчивой нечисти, зато подала документы в три университета и записалась на айкидо в нулевую группу. Раньше она никогда не интересовалась боевыми искусствами, хватало легкой атлетики и секции по туризму. Зато теперь вопрос о личной безопасности стал более чем насущным. Хорошо, что тренер оказался сговорчивым и согласился принять от нее документы с пропиской и справку из поликлиники через пару недель после начала занятий.

Дни летели калейдоскопом, наполненные заботами. Ника сдала дополнительные экзамены по академическому рисунку и проекционному черчению во всех университетах, куда собралась поступать, и теперь к основной куче вещей на кухне добавилась увесистая сумка с художественными принадлежностями. Во время экзаменов девушка жутко перенервничала. Она привыкла считать себя чуть ли не великим художником, но, когда посмотрела, как рисуют другие мальчишки и девчонки, приуныла. Не сказать, чтобы Ника

рисовала намного хуже, но все же сразу было видно, какие талантливые ребята приехали поступать.

Правда, переживала она не долго. Экзамены сданы, и теперь все, что ей оставалось, — ждать решения приемной комиссии. А пока, чтобы отвлечься от мыслей «поступила — не поступила», Ника с головой погрузилась в обустройство своего быта.

Она чувствовала себя хомяком, готовящим жилье к зимовке. Пару дней девушка не могла определиться, в какой комнате обосноваться. Хотелось красивый вид из окна на крепость и идущие по реке баржи и прогулочные катера. Но яркий свет фонарей и гул машин не давали ночами спать. Не помогли даже занавеси, купленные на ближайшем рынке. Потом приглянулась комната рядом с кухней. Маленькая, уютная, окнами во двор. Но и там Ника не задержалась больше чем на одну ночь. Почти полное отсутствие растительности за окном наводило на нее тоску. Не хватало обширных полей до самого горизонта. Ясеней, шелестящих листвой на ветру. Ласкового солнца. Раскаленного воздуха, наполненного ароматами земли и цветущего разнотравья. Птичьего гомона по утрам и соловьиного пения в вечерних сумерках. Сколько она уже здесь? Восемь дней? За это время солнце выглянуло только раз. Пасмурно, порой идет дождь. По утрам над рекой поднимается туман. Гуляя с Барбосом, Ника постоянно мерзла, пока не плюнула на все и не стала надевать куртку. И это в середине августа, когда дома — плюс тридцать пять! Спеют яблоки, а на базарах торгуют дынями, персиками, арбузами и виноградом без косточек.

В конце концов девушка обосновалась в комнате с балконом.

— Дзи-и-инь!

Звонок в дверь вернул ее к реальности. Спрыгнув с подоконника (она намывала высокие кухонные окна), Ника бросила тряпку в ведро с водой и, вытирая руки полотенцем, пошла открывать двери. Барбос ринулся вместе с ней встречать гостей. За последние три дня у нее перебивали почти все соседи. Вдруг кого-то еще пробрало любопытство, что же за личность поселилась с ними в одном подъезде?

Удивительное дело. Оказывается, никто в подъезде не знал, что квартира который год стоит пустой. Они вообще не

знали, что в их подъезде есть квартира с шестым номером. И теперь дружно удивлялись, куда смотрели их глаза. Куда-куда? Туда, куда им отвела их бабушка Настасья. Ника все больше убеждалась, что квартира раньше принадлежала ей, но по какой-то неведомой причине колдунья решила ее продать, переселившись в помещение гораздо меньших размеров. Девушка подозревала, что дело вовсе не в деньгах и сложности содержать огромную жилплощадь на трудовую пенсию, но пока воздерживалась от разговоров на эту тему. Чувствовала: если будет нужно, женщина сама ей все расскажет.

— Дзинь! Дзинь! Дзи-и-инь!

Кто-то нетерпеливый продолжал звонить. Барбос зарычал. Ника насторожилась. Раньше пес ни на кого так не реагировал. Сбавив шаг, она неслышно подошла к двери и, прижавшись ухом, прислушалась к своим ощущениям. Это не те, чьего появления она ждала и опасалась каждый день.

Сняв цепочку, Ника открыла дверь и улыбнулась парню и девочке. Бабушка Настасья рассказывала ей о них. Близнецы, брат и сестра из двенадцатой квартиры. Дети той самой женщины, с которой она столкнулась в день приезда.

Парень был чуть выше сестры. Широкоплечий, явно спортсмен. Девушка пониже, тонкая, как тростинка. Оба черноволосые. У нее — волосы до пояса и ровная челка. У него — короткая модная стрижка, из-за которой парень напоминал плейбоя. У обоих — яркие голубые глаза, обрамленные черными ресницами. Она хорошенькая, как куколка. Он очень симпатичный. И при этом, как и положено близнецам, удивительно похожи друг на друга. Оба — в голубых джинсах, белых футболках и удобных кроссовках, будто только что вернулись с тренировки. В руках у девушки четыре пакета сока. У парня — три коробки с пиццей.

Барбос высунулся в подъезд и принялся обнюхивать гостей. Рыкнул на парня, на что тот только фыркнул. Пес же завилял хвостом перед его сестрой, от радости пытаясь лизнуть ей руку. Краснея за поведение питомца, Ника схватила Барбоса за ошейник и оттащила от визитеров.

— Фу, Барбос. Иди в дом, — затолкав его в квартиру, обратилась к близнецам: — Простите, обычно он ведет себя прилично.

— Ты Вероника? — Парень дождался ее кивка. — Я Денис, — указал на себя, потом на сестру. — А это Дашка. Мать сказала, ты наша новая соседка. Вот, пришли знакомиться, — и продемонстрировал коробки с пиццей.

— Привет. — Даша улыбнулась и, исхитрившись удержать одной рукой пакеты с соком, другую протянула для рукопожатия. — Наша мама Анна Николаевна Воронцова. Мы из двенадцатой. Пустишь к себе? Или на улице посидим?

— Проходите. — Ника посторонилась и опять была вынуждена схватить Барбоса, решившего, что открытая дверь — это приглашение погулять, и ринувшегося на лестницу.

— Резвый он у тебя. — Денис с интересом осматривал обшарпанные стены коридора, заглянул в пару пустых комнат и то и дело косился на идущего за ним по пятам пса. — Что за порода?

— Барбосовская, — рассмеялась Ника, видя недоумение на лицах близнецов. Она уже поняла, что здесь мало кто заводит питомцев из искренней любви к животным. Все больше для престижа. — Проходите. Но у меня не на чем сидеть и некуда положить пиццу, кроме как на пол. Его я уже отмыла. Правда, пока только на кухне.

Расположились на полу с удобствами. Денис с Барбосом поделили место под окном у батареи. Даша сидела напротив нее, скрестив ноги по-турецки. И как ей это удастся в таких узких джинсах? Сама Ника так объелась, что развязала тесемку на шортах, чтобы пояс не давил на оттопырившееся пузо. Привалившись спиной к стене, вытянула ноги, стараясь не задевать кроссовками Дениса.

Посиделки затянулись. За окном давно стемнело, и зажженные свечи добавили пустому помещению капельку уюта. Расходиться не хотелось. Ребята оказались общительными, с прекрасным чувством юмора. Разговор шел о том, у кого какое было детство. Денис рассказал о спортивной спецшколе. О ежедневных тренировках по шесть часов. В шестнадцать лет он уже был мастером спорта по плаванию и прыжкам в воду. Мать надеялась, что он станет олимпийским чемпионом, а он, гоняя на скутере, попал в аварию, сломал ногу, и о спорте пришлось забыть на целый год. Месяц

отлежал в больнице. За это время пересмотрел планы на дальнейшую жизнь. Он с детства бредил просторами Вселенной, мечтал стать космонавтом и работать на международной космической станции. Пока предки были на работе и ему приходилось одному валяться дома с ногой в гипсе, подтянул знания по физике, химии, математике и астрономии, экстерном сдал экзамены в школе и поступил в университет на астрофизический.

— Мать была в истерике, — смеялась Даша. — Неделю вся квартира воняла сердечными каплями.

— Зато отец меня поддержал. — Денис тоже улыбался, вспоминая семейные дебаты на тему, быть ему пловцом или космонавтом.

— Даш, а ты уже решила, куда будешь поступать? — На мгновение Нике захотелось уговорить девушку поступать вместе с ней. С подругой точно будет веселей. Но, как оказалось, соседка уже определилась с планами на жизнь.

— Буду учиться на соцработника и по окончании университета уеду в Африку работать в благотворительной миссии. Хочу помогать людям. А ты?

— Подала документы в архитектурный. — Ника запнулась, не зная, сказать — не сказать? Не покажется ли ее мечта на фоне грандиозных планов покорения космоса и спасения страждущих слишком... обычной? — Хочу сделать этот мир красивым.

На мгновение повисла тишина, очень неудобная в пустой квартире.

— Круто, — первым пришел в себя Денис. — Тогда за успех в осуществлении желаний.

Они подняли пластиковые стаканчики с соком и торжественно чокнулись.

— Почему ты не купишь посуду? Предки мало денег дали? — Даша скомкала стаканчик и бросила в пакет, специально отведенный для мусора.

— Да нет. Деньги есть. Просто я на днях заходила на чай к бабушке Настасье...

— Ну ты нашла на кого равняться, — перебил ее Денис — Настасья Валерьевна — из княжеского рода. Ее дед во время революции остался в России, и за служение правому делу его имущество не подверглось конфискации. Я даже боюсь пред-

ставить, сколько стоит вся ее обстановка по сегодняшним расценкам.

Что-то подобное Ника подозревала. Слишком нетривиальная бабулька.

Потянувшись за последним куском пиццы, сиротливо лежащим на картонке, поняла, что не осилит, и предложила Даше. Та хоть и хрупкая на вид, зато аппетит зверский. Ника могла ей только позавидовать. Сама она при всей стройности после многих лет занятий спортом имела развитые мышцы, из-за чего никогда не будет выглядеть изящной.

— Даш, съешь кусочек. Не отдавать же его Барбосу? Он и так сегодня слопал тройную порцию.

— Не могу. — Девушка похлопала себя по животу. — Оставь себе на завтрак.

У Дениса в кармане запиликал мобильный.

— Простите, девчонки, я на минуту. — Он вышел поговорить в другую комнату, прикрыв дверь. Даша встала с пола.

— Тебе помочь убраться?

— Не нужно. — Ника с трудом встала на ноги. Собрала коробки и пустые пакеты из-под сока, пластиковые стаканы и тарелки. — Утром вынесу.

Барбос протяжно зевнул во всю пасть и опять уронил голову на лапы.

— Даш. — Денис заглянул на кухню. — Мне надо бежать. Скажешь маме, что я ненадолго?

Сестра махнула на него рукой:

— Беги. Так уж и быть, прикрою.

— Тогда всем пока.

Парень умчался. Даша еще немного потопталась в коридоре. Почему-то без брата она чувствовала себя неловко. Скомканно попрощалась, пообещав зайти завтра, и убежала по лестнице на свой этаж.

Закрыв за девушкой двери, Ника увидела Барбоса, наблюдающего за ней с другого конца коридора.

— Вот и первые друзья. Посмотрим, что из этого получится. — Она улыбнулась и пошла мыть окно на кухне.

На следующий день Даша зашла в восемь утра:

— Не разбудила?

— Я рано встаю. — Ника посторонилась, пропуская девушку в квартиру.

Барбос приоткрыл один глаз, одарил девушек ленивым взглядом и опять притворился спящим. Ника недавно с ним гуляла, скормила вчерашний кусок пиццы и потратила полчаса на вычесывание блох из косматой шерсти, так что у него были все основания чувствовать себя счастливым.

— Кофе будешь? Правда, у меня только растворимый, из пакетиков, — предложила Ника, возвращаясь обратно в комнату. Она с утра пораньше затеяла уборку и наконец-то добралась до балкона. Пока квартира стояла пустая, сквозь щели в неплотно подогнанных стеклах набилось много мусора и пыли. Даже осы завелись.

— Я завтракала. — Даша вошла за ней и с интересом осмотрелась. — А ты только начинаешь обустроиваться? Хочешь, спрошу у мамы, вдруг у нас на даче есть ненужная мебель. Не придется на покупку тратить.

— Даш, у меня есть деньги. Мои родители геологи, постоянно в экспедициях. Зарплата у них хорошая, а на что им ее в тундре тратить? Вот и накопилось достаточно.

— Тогда предлагаю пройтись по магазинам. Заодно город посмотришь. Поверь, туристам показывают далеко не все самое интересное.

Ника выглянула в окно. Опять пасмурно. А с утра светило такое солнышко...

— Хорошо, только переоденусь, а то я вся в уборке.

День получился замечательным. Ника все больше убеждалась, что с Дашей они подружатся. И пусть учиться будут в разных университетах, зато живут по соседству. Можно вместе делать домашние задания. Только надо купить ноутбук и подключить электричество.

— Даш, а твой брат разбирается в технике? — уставшие после долгой пешей прогулки, они забрели в летнее кафе. Купив по вазочке мороженого и по молочному коктейлю, решили передохнуть. Соседние два стула были завалены пакетами с покупками. Надо в следующий раз брать чуть меньше денег. Даша в порыве превратить ее из деревенской простушки в городскую фифу увлеклась так, что Ника, невольно поддав-

шись ее энтузиазму, потратила гораздо больше, чем планировала.

— Ты хочешь что-то купить? — Девушка с аппетитом поглощала молочное лакомство, чем вызывала улыбки у людей за соседними столиками.

— Ноутбук. Он понадобится для учебы.

— Сейчас, — отложив ложечку, Даша полезла в сумочку, достала телефон и позвонила брату. — Привет, Дэн. Ты сейчас где? Что надо? Надо купить Нике ноут. Да... ага... поняла. Тогда до вечера.

Ника выскребла последнее мороженое со дна вазочки, поборов искушение вылизать дно, словно кошка. Вряд ли ее поймут. Зато есть еще целый бокал коктейля. С шапкой из взбитых сливок, посыпанных шоколадной крошкой. Мм, вкуснотища.

— Что он сказал?

— У него сегодня какое-то мероприятие с пацанами. Предложил завтра.

Ника кивнула соглашаясь. Ноги гудели, и еще одного тура по магазинам она просто не выдержит.

— Отлично. Только давайте после обеда. С утра хочу пробежаться по университетам, узнать, зачислили — не зачислили.

— Так позвонить же можно. Зачем бегать? — удивилась Даша, беря с нее пример и трубочкой вместо ложки собирая сливки.

— У меня телефона нет. И забыла в приемной комиссии спросить номер, — видя, как от удивления у Даши взметнулись брови, улыбнулась: — Брось, мне все равно надо бегать. Заодно покажу Барбосу парк, где мы сегодня были. Думаю, ему там понравится. Даже озеро есть, можно уток погонять.

— Ты такая же чокнутая, как Дэн. Он тоже забросил профессиональный спорт, но до сих пор три раза в неделю ходит в плавательный бассейн. Ладно, потопали домой. А то что-то есть хочется.

Вспомнив, что по части еды у нее полный голяк, Ника тем не менее согласно кивнула. Не без труда собрала со стульев пакеты. Даша взяла часть из них, и они, не сговариваясь, побрели к трамвайной остановке. Сорок минут езды в жуткой

толчее в третий раз за день убедили Нику, что она зря забросила тренировки... Тренировки?!

— О боже! Я совсем забыла! — воскликнула она. — Даш, выходим у спортивного магазина. Мне кимоно надо купить.

— Зачем? — Бедную девушку так прижали к стеклу, что ее распластало по нему, словно консервированную медузу.

Ника пихнула локтями соседей. Получила тычок в бок. Отдавила нахалу ногу.

— Да подвиньтесь хоть немного. Вон в центре полно свободного места.

— Тебе надо, ты и двигайся. — Высокий спортивного вида парень с банданой на голове, в джинсах и майке-борцовке нагло окинул их с Дашей взглядом. — И вообще, с пакетами ехали б вы, девчонки, на метро.

— Может, ты нам такси оплатишь? — Ника еще раз его пихнула. Исхитрилась схватить Дашу и не без труда протиснула их обеих к выходу. — Тоже мне умник нашелся.

Парень хмыкнул где-то над головой. Ну и рост у него. Выше остальных пассажиров. Широкие загорелые плечи. И на лицо очень симпатичный. Заметив, что его разглядывают, парень сощурил зеленые глаза и понимающе улыбнулся. Ника вспыхнула до корней волос и резко отвернулась: мол, это не она только что любовалась прекрасным образчиком мужчины. А на ближайшем повороте, когда трамвай ощутило тряхнуло при переходе на другие рельсы, навалилась на него в надежде, что он не удержится и завалится на сидящих пассажиров. Парень натиск выдержал. Только чуть напрягся, отчего девушка спиной почувствовала его железные мускулы. И когда трамвай выровнял движение и всех по инерции качнуло в другую сторону, обнял ее за талию, не дав сразу отстраниться. Склонился и шепнул на ухо:

— Хорошая попытка.

Сдержав смешок, Ника пихнула его локтем, чтобы отлепился, и вместе с Дашей вывалилась из остановившегося трамвая. И что теперь? Это не их остановка, и до дома еще топтать и топтать.

— Он на тебя до сих пор смотрит. — Даша улыбалась, глядя ей за спину.

— Пусть. — Ника присела, поставила сумки на асфальт и притворилась, что завязывает шнурок на кроссовке. Это луч-

ше, чем стоять посреди улицы, как дура. — Все равно больше не встретимся.

За спиной загрохотал трамвай и тронулся с места. Из ближайшего кафе доносился запах шашлыка. Народ продолжал толпиться на остановке, бросая на девчонок косые взгляды. Мимо проносились автомобили — трамвайная ветка располагалась посреди дороги. И надо еще исхитриться перейти на тротуар, чтобы тебя не задавили.

— Зря ты так думаешь, — улыбаясь от уха до уха, Даша смотрела, как она возится со шнурком. — Могли бы познакомиться.

Ника и сама так думала. Парень ей понравился, и не только внешне. Было в нем что-то такое... Некая сила, делающая его мужчиной, а не великовозрастным хлюпиком, на которых она сегодня вдоволь насмотрелась в магазинах.

— И что предлагаешь? Бежать за трамваем и кричать на всю улицу: «Давай познакомимся?»

Бедную Дашу скрючило от смеха. Кто-то хмыкнул. Ника, вставая, резко оглянулась и хрястнулась макушкой о подбородок парня. Оказалось, незнакомец нагнулся, чтобы помочь ей встать, и явно не ожидал от нее такой прыти. У парня лязгнули зубы. Она же, охнув от боли, села на асфальт.

— Чтоб тебя! — В глазах плясали звезды. В голове пульсировало. Железный он, что ли? Даша звонко хохотала, глядя на них.

— Ты всегда такая? — Парень протянул ей руку, больше не рискуя нагибаться.

Чувствуя себя совершеннейшей дурой, особенно из-за слов, которые он прекрасно слышал, иначе с чего бы ему быть таким довольным, Ника отпихнула его руку и, собрав валяющиеся на земле пакеты, встала.

— Обойдусь без твоей помощи.

— Маленькая колючка. Ярослав. — Он все еще протягивал руку.

Ника глянула на нее, как на ядовитую змею. Одарила парня уничижительным взглядом. Ей все еще было стыдно за свои слова, словно сама ему навязывалась. И потому она злилась на него еще больше. И кто сказал, что у женщин есть логика?

— Прости, что не пожимаю, руки заняты.